

Гудалов Н.Н.

К ВОПРОСУ О СХОДСТВАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА И ПОСТПОЗИТИВИЗМА В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Предметом исследования являются те черты политического реализма в теории международных отношений (ТМО), которые демонстрируют его сходства с постпозитивизмом. Цель работы – выявить и осветить эти сходства, не отрицая, конечно, имеющихся различий. Автор подробно рассматривает логические сходства реализма с постпозитивизмом, их общие философские истоки, связанные с творчеством одних и тех же мыслителей. Исследуются подходы реалистов и постпозитивистов к фундаментальным проблемам политического знания, действительности и ценностей, а также рациональности. Для достижения цели статьи используется метод сравнительного анализа теоретических взглядов реалистов и постпозитивистов. Автор опирается на их классические и современные работы, критические исследования других ученых. Статья вносит новый вклад в исследование существующих сходств между реализмом и постпозитивизмом в ТМО. Эти сходства являются очень глубокими, однако изучены совершенно недостаточно и «нарушают» принятые в ТМО теоретические разграничения. В работе дополнены и обобщены аргументы Николая Гийо, который указал на связи реализма с философией науки Томаса Куна, а также с теми теориями истории, которые подчеркивают историзм, отрицают прогрессизм и рационализм. Автор выявил, что эти связи подтверждают наличие важных сходств между реализмом и постпозитивизмом. Доказано, что для реализма характерно узкое инструментальное понимание рациональности. Постпозитивизм, в свою очередь, еще более ограничивает или отвергает понятие рациональности. Сделан обобщающий вывод о том, что именно такое отношение к рациональности лежит в основе других сходств реализма и постпозитивизма – их акцента на плюрализме и относительности знания, действительности и ценностей в политике. Результаты работы могут быть применены для дальнейшего критического переосмысления исследуемых подходов в ТМО и связей между ними.

Ключевые слова: историзм, рационализм, эпистемология, политическая философия, постпозитивизм, политический реализм, теория международных отношений, парадигма, Томас Кун, структурный реализм.

Abstract. The subject of this research is the features of political realism in the history of international relations, which demonstrate its similarities with postpositivism. The goal of this work is to determine and emphasize these similarities, but at the same time considering the differences between them. The author carefully examines the logical resemblances of realism and postpositivism, their common historical origins associated with the creative works of the same thinkers. The article also analyzes the approaches of the realists and positivists towards the fundamental issues of political knowledge, reality, values, as well as rationality. The author conducts a comparative analysis of the theoretical views of the realists and positivists, and bases himself upon their classical and contemporary works, alongside the critical research of other scholars. This work makes a new contribution into the research of the already existing similarities between realism and postpositivism within the theory of international relations. These common features are very deep, however there not enough studied and “violate” the accepted within the theory of international relations theoretical demarcations. The article complements and generalizes the arguments of Nicolas Guillot who pointed out at the correlation between realism with Thomas Kuhn’s philosophy of science, as well as

with the theories that emphasize historicism, but deny progressivism and rationalism. The author determines that such connections confirm the existence of the significant similarities between realism and postpositivism. It is proven that for realism it is characteristic to have a narrow instrumental understanding of rationality; while postpositivism, in turn, limits or denies the notion of rationality. A generalizing conclusion is made that namely such attitude towards rationality lies in the foundation of other similarities between realism and postpositivism – their accent upon pluralism and relativity of knowledge, reality, and values in politics.

Key words: *Thomas Kuhn, paradigm, historicism, rationalism, epistemology, political philosophy, postpositivism, political realism, theory of international relations, structural realism.*

В одной из недавних статей Николя Гийо показал связи политического реализма в теории международных отношений (ТМО) с философией науки Томаса Куна [13]. В другой работе он отметил родство реализма и тех взглядов на историю, для которых характерны историзм, критика прогрессизма и рационализма [12]. Аргументы Гийо – хотя он сам и не делает подобного вывода, – служат еще одним обоснованием более широкого предположения о том, что реализм имеет некоторые сходства с постпозитивизмом в ТМО. Настоящая статья нацелена на то, чтобы доказать это и осветить интеллектуальные и исторические связи реализма с постпозитивизмом в ТМО, не отрицая, конечно, их различий. Безусловно, в задачи статьи не входит полный анализ этих сложных традиций. Вместе с тем, в ней будет сделана попытка не упростить их, а, наоборот, выявить их новые аспекты путем их сравнения между собой «поверх» традиционных для ТМО парадигмальных разграничений. Такой подход весьма актуален как в связи с большим, но неоднозначным влиянием постпозитивизма, так и с нарастающим интересом к многогранному потенциалу реалистической традиции в ТМО.

Предметом исследования являются те черты реализма, которые демонстрируют его сходства с постпозитивизмом в ТМО. Их выявление предполагает использование метода сравнительного анализа с опорой на работы сторонников каждой из традиций и критические исследования других авторов.

Недавние исследования Гийо содержат важные аргументы, обобщение которых могло бы внести новый вклад в развитие ТМО. В целом, имеется незначительное количество работ, в которых затронуты те или иные

аспекты связей между реализмом и постпозитивизмом [см. 5, р. 24, н. 77; 27, р. 181]. Примечательно, например, что Патрик Джексон относил воззрения Эдварда Карра к «рефлексивизму», а Кеннета Уолца – к «аналитизму». Для Джексона ни один из них, вопреки принятым в ТМО ассоциациям, не является сторонником ни неопозитивизма, ни критического реализма в эпистемологии. Оба придерживались «монизма» познающего субъекта и познаваемой реальности [15, р. 37, 112-114, 187] – т.е. позиции, характерной для постпозитивизма. Тем не менее, существующие сходства между реализмом и постпозитивизмом исследованы в научной литературе явно недостаточно. Настоящая статья может внести некоторый вклад в подобное исследование.

Реализм, философия науки Т. Куна и историзм

По мнению Н. Гийо, ТМО подверглась значительному влиянию философии науки Т. Куна [13; см. также 1]. Гийо признает, что явное «увлечение» Куном в ТМО сменилось обращением к другим философам науки, а сами взгляды Куна стали объектом противоречивых трактовок и искажений. Однако более интересным вопросом является не критика этих искажений и не изучение «моды» на ту или иную эпистемологию в ТМО, а то, каково было реальное, не всегда открыто признаваемое воздействие восприятия идей Куна на дисциплину [13, р. 3-7].

Главной мыслью Гийо является то, что между философией Куна и реализмом в ТМО имеются глубокие сходства: «Кун ... смотрел на науку почти так же, как реалисты смотрят на мир» [13, р. 15]. Идеи Куна, образно говоря, позволяли представить реализм «научным», а науку –

«реалистической». Реализм, с самого своего зарождения имевший противоречивое отношение к научной рациональности, обрел, наконец, в теории Куна приемлемую модель науки и смог использовать ее для обоснования своего научного статуса. «Как заметил Стив Фуллер, “международные отношения являются, пожалуй, той областью, в которой Куна использовали для моделирования не исследовательского процесса в этой области, а самого ее предмета”» [13, р. 7, выделение в оригинале]. Действительно, подобно тому как реалисты предлагали рассматривать международную политику, Кун «предположил, что у науки также имелась своя темная сторона, свои иррациональные сферы и даже своя силовая политика. Предположив, что научные революции были в сущности делом силовой борьбы, Кун применял что-то вроде реалистических принципов в области эпистемологии» [13, р. 7]. Таким образом, подобная рецепция Куна в ТМО позволила, наконец, сделать то, что так тревожило Ганса Моргентау [см. 20], – «примирить ученого [scientific man] с силовой политикой [power politics] через предположение о том, что первый – всего лишь еще один обыкновенный реалист» [13, р. 8]. Понятие Куна о «несоизмеримости» парадигм – невозможности рационального выбора между ними на основе некоторого нейтрального свода правил – перекликалось с центральной для ТМО проблемой невозможности такого выбора между конфликтующими интересами и интерпретациями международного права [13, р. 16-17]. Как в науке, по Куну, так и в международных отношениях, например, по Моргентау, этот выбор не мог основываться ни на чем ином, кроме как на внерациональном политическом решении и силовой (в широком смысле) борьбе. Как писал сам Кун, «подобно выбору между конкурирующими политическими институтами, выбор между конкурирующими парадигмами оказывается выбором между несовместимыми моделями жизни сообщества» [1, с. 130; см. также 13, р. 17]. Кун, как отмечает Гийо, вводит шмиттовское «различие между другом и врагом» в науку [13, р. 18]. Кроме того, хотя Гийо не пишет об этом, в схожести, которую он отмечает, явно заметен еще один мотив, важный не только для Куна и реалистов, но и для почти всех

постпозитивистов: «Выбор парадигмы оправдывал сам себя ретроспективно, на основе своей эффективности... в... “рационализации” набора феноменов – точно так же, как исключительное политическое решение становится легитимным ретроспективно, когда оно успешно устанавливает новый стабильный порядок» [13, р. 13].

Итак, взгляд Куна на науку примирял ее с реализмом. Хотя Гийо полагает, что до этого реалистическое понимание политики категорически противостояло науке, что особенно ярко проявилось, например, в отмечавшейся книге Моргентау и во «втором большом споре» [13, р. 7], скорее, реалисты задолго до рецепции философии Куна уже стремились придать своей теории научный статус, но при этом они лишь искали некоторую приемлемую для них – т.е. существенно ограниченную – концепцию научной рациональности. Так, Моргентау критиковал не науку вообще, а устаревшие, отвергнутые самими естественными науками взгляды, которые ошибочно переносились в социальные науки. По его мнению, развитие современной науки (например, теории относительности и квантовой физики) показало, что и естественные, и гуманитарные дисциплины должны отказаться от стремления к «мифологическому уровню абсолютной уверенности и предсказуемости» и работать со «среднестатистическими величинами и вероятностями» [20, р. 121]. Моргентау ясно заключает: «Современная научная мысль воссоздает единство физического и социального мира», в котором, «однако, общим элементом ... больше не является просто разум как таковой, а разум, окруженный, проникнутый и подпираемый неразумностью, подобный острову ... среди темного и бурного океана» [20, р. 126]. При этом в социальных науках иррациональность играет ключевую роль; «только через признание ... [ее] социальной и моральной детерминированности социальная наука возможна вообще» [20, р. 144]. Именно это условие возможности социальной науки реалисты, наконец, и обнаружили в знаменитой книге Куна, опубликованной в 1962 г. [1]. Впоследствии Моргентау и другие реалисты могли считать свои подходы научными, при этом никогда не отказываясь от узкого взгляда на самую научную рациональность.

Эпистемологический релятивизм Куна очень хорошо соответствовал релятивизму реалистов в отношении политической действительности и морали. Моргентау писал в том же 1962 г., что в политике «не существует такой вещи, как одна-единственная истина для каждого» [цит. по: 28, р. 71]. Подобно тому, как для реалистов понимание истины ограничено властной борьбой, так и в концепции Куна «истина есть власть» [цит. Имре Лакатоса по: 13, р. 17].

В моральной сфере подход, например, Эдварда Карра можно охарактеризовать как «конструктивизм» [18, р. 93]. Этот классик реализма «представляет разновидность моральной аргументации, которая исходит из существующей практики государств.... Можно утверждать, что это имманентная форма моральной аргументации, что нет “внешней реальности”, архимедовой точки опоры, откуда можно было бы вынести суждение, а есть только мораль, которая является условной и исторически изменчивой» [18, р. 88]. Хотя против подобного «релятивизма», прагматизма и инструментализма Карра, как и против «подвижной морали Макиавелли», открыто выступал Моргентау, он, вопреки мнению Шона Моллоя, едва ли мог предложить более объективную «трансцендентную перспективу в вопросах политической морали» [18, р. 83, 91, 95]. Подобная перспектива якобы могла основываться на таких важных для реализма ценностях, как выбор «наименьшего зла», «осторожность», «умеренность», «аристотелевская этика Золотой Середины» и «сверхценность защиты собственных интересов» [18, р. 93-94]. Однако эти ориентиры никогда не являются достаточно ясными и всегда чреватые политическим антагонизмом. Сложно представить, как Моргентау мог выработать «трансцендентный» подход к морали в политике, если он настаивал на нередуцируемой автономии политики от других сфер жизни, в том числе морали [см., напр., 19, р. 12-16]. Говоря, вполне в духе постпозитивизма, о современном «кризисе метафизического сознания» [цит. по: 28, р. 70], Моргентау следовал типичному веберовскому подходу, согласно которому «предельные ценности» не могут быть обоснованы рационально, а являются предметом внерационального выбора и решения [см. 28, р.

70]. Моргентау разделял «абсолютное» и «относительное благо» и предлагал ограничиться лишь оценкой действительности той или иной идеологии, поскольку обсуждение «абсолютного блага» больше подходило «для семинара по политической философии» [цит. по: 28, р. 71].

Любопытно, что в отсутствие рациональных ограничителей релятивизма как в политическом реализме, так и в философии Куна, реалисты избрали государство как главную возможную «точку опоры», вполне эквивалентную куновской парадигме. Границы парадигмы можно сопоставить с границами государства. Выбор между парадигмами является внерациональным и не имеет отношения к прогрессу науки, и лишь внутри избранной парадигмы возможна «любая рациональная дискуссия» и поступательное развитие «нормальной науки» [13, р. 17]. Такое разграничение явно напоминает разделение между сферами межгосударственной и внутригосударственной политики. Как писал один из главных исследователей этого разделения Роб Уокер, «гражданское общество, как обычно утверждают, *может* быть областью прогресса и поиска справедливости, но международная политика точно *является* сферой случайности и конфликта» [30, р. 69, выделение в оригинале]. Государство представлялось, подобно парадигме Куна, «абсолютной ценностью, которая позволяла разрешить дилеммы и загадки релятивизма» [30, р. 72] – т.е. оградить некоторое пространство, в рамках которого становилось возможным прогрессивное развитие, маловероятное в отношениях *между* государствами.

Как отмечает Гийо, ограничения научной рациональности, которые следовали из интерпретации куновской философии реалистами, использовались ими для обоснования как научности своих теорий, так и дефектов рациональности изучаемых международных акторов. Хотя реализм, претендовавший на статус «нормальной науки», и подвергался осуждению за монополизацию ТМО, реалисты всегда могли ответить, что подобная монополизация как раз характерна для «нормальной науки», поскольку, говоря словами Куна, «именно отказ от критического дискурса означает переход к науке» [цит. по: 13, р. 11]. Поскольку даже научная ра-

циональность представлялась ограниченной, для сторонников реализма – как и многих других ученых – было вполне естественно считать, что и политическая рациональность самих международных акторов тем более всегда ограничена [13, р. 18-23].

Таким образом, философия Куна хорошо соответствовала традиционным положениям реализма и придавала ему научный статус. Важно отметить, что это касается не только классического реализма, но и последующего развития реалистической традиции, включая неореализм. Хотя последний и отличается явной сциентистской ориентацией, скорее он стал результатом «модернизации старого антирационализма классического реализма» [13, р. 23]. Если неореализм и представлялся научным, то сама его концепция науки теперь соответствовала модели, предложенной Куном. Эта модель предполагала «ослабленную концепцию рациональности, которая никогда не могла быть противопоставлена политическому реализму, поскольку она [сама] уже исходила из него» [13, р. 23]. Гийо также замечает, что критика реалистического «позитивизма» со стороны постпозитивистов оказалась неуместной, поскольку многие реалисты, как следует из проведенного анализа и вопреки распространенному мнению, сами вовсе *не придерживались* позитивизма. Сюда относились в том числе и «сторонники “сциентизации” реализма», такие как Мортон Каплан, Томас Шеллинг и Кеннет Уолц [13, р. 14]. Дискуссии о «постпозитивистском повороте» создавали, таким образом, ложное впечатление, «что прошлое дисциплины было позитивистским» [13, р. 14]. Постпозитивисты, по иронии, использовали аргументы того же Куна, чтобы показать, что реализм занимает доминирующее положение не из-за своего лучшего «соответствия истине», а из-за своего социально-политического влияния. Однако сам взгляд реалистов на науку в принципе и не противоречил такому утверждению и не был для них чем-то аномальным [см. 13, р. 11-13]. Иными словами, реалисты доминировали в ТМО, а их критики сопротивлялись такому доминированию, однако обе стороны схожим образом смотрели на природу подобного доминирования как кроющуюся в социально-политической борьбе.

Итак, если влияние Куна на постпозитивистскую философию в целом вполне бесспорно, то он оказался также «созвучен» реалистической традиции в ТМО.

Во второй работе Гийо [12] показаны связи реализма в ТМО с такими взглядами на историю, которые также, несомненно, обнаруживаются и в постпозитивизме. Сюда относилась критика Гербертом Баттерфилдом, историком и сторонником политического реализма, «вигской интерпретации истории», которая ассоциировалась с упрощенным либеральным прогрессизмом и «морализаторством» [12, р. 7, 12]. Эта критика была связана и с осуждением «презентизма» (термин, введенный Джорджем Стокингом) – в широком смысле, такого взгляда на прошлое, который подчиняет его современным потребностям и идеям [12, р. 8]. «Презентистской» телеологии противопоставлялся «историзм» – «понимание прошлого ради него самого» [цит. Г. Баттерфилда по: 12, р. 8]. Для Баттерфилда, Стокинга и их единомышленников была важна мысль о том, «что история имеет форму битвы» [12, р. 8]. Они считали – вслед за Робинсом Коллингвудом и предвосхищая современных постпозитивистов – «что любая идея есть в сущности “отрицание альтернатив”» [см. 12, р. 8]. Все эти мысли получают развитие и в рамках Кембриджской школой интеллектуальной истории, которая «заинтересована не в Истине или Разуме как трансисторических эталонах, а, скорее, в “рациональности” как эндогенном свойстве прошлых идеологических формаций» [12, р. 8]. В подобных теориях обнаруживаются очевидные переключки с «агонистской» и «полемической» философией истории Фридриха Ницше, Карла Шмитта и, что особенно примечательно, Мишеля Фуко [12, р. 10-11]. В соответствии с таким взглядом на историю, не существует универсальных политических и моральных ценностей – все они являются продуктами исторической борьбы и конкретного исторического контекста [12, р. 11].

Баттерфилд также предложил христианскую интерпретацию истории, которую разделяли многие политические реалисты. Согласно ей, признание греховности человеческой природы и отказ от «чувства собственной непогрешимости» могли бы способствовать признанию

«одинакового достоинства национальных интересов» разных государств [12, р. 10].

В этом контексте вполне понятной становится критика многими реалистами – например, Моргентау, Баттерфилдом и Джорджем Кеннаном – идеалов Просвещения [12, р. 15-18]. Так, у Моргентау можно обнаружить отчетливое критическое прочтение Просвещения и эпохи Модернити в целом. В его критике сочетались элементы, сближавшие его с консерватизмом, романтизмом и критической теорией XX в. одновременно. В его работах заметна «тоска» по аристократической этике, на смену которой, по его мнению, пришел воинственный национализм [12, р. 17-18; 18, р. 98]. У Моргентау и других реалистов есть переключки и с осуждением интеллектуализма Жан-Жаком Руссо, для которого прогресс разума оборачивался эгоизмом, стремлением к доминированию и ростом нереализуемых запросов [7, р. 168-169; 8, р. 206-207]. Критика же Моргентау технологизированного общества напоминает работы Мартина Хайдеггера, Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно [см., напр., 20; 23, р. 50-51; 7, р. 164; 25, р. 136-137]. Моргентау и Баттерфилд, например, даже считали просвещенческий рационализм, сциентизм и либерализм причиной социальных катастроф XX века, включая тоталитаризм [12, р. 18; 20, р. 10-13].

Итак, для исторических воззрений реалистов характерны критическая «интерпретация современности» и идея о «непостижимости времени и индивидуальности исторических формаций, которые невозможно подвести под единые рационалистические схемы» [12, р. 18]. Такие подходы предполагают, что «прошлое рассматривается как “другая страна”», идеи из прошлого – «как иностранные диалекты», причем «не существует трансисторического метаязыка, на который можно было бы “переводить” языки прошлого» [12, р. 10-11]. Подобное понимание истории явно схоже и с реалистическим пониманием отношений между различными политическими образованиями в *синхронном* плане: «не только между историческими эпохами, но и между политическими пространствами» не существует независимого, действенного и рационального механизма сравнения и примирения сталкивающихся интересов и интерпретаций

[12, р. 12]. Как во времени, так и в пространстве «дистанция, отделяющая нас от “других”, непреодолима и не может быть отменена через синтез более высокого порядка» [12, р. 11].

Реализм и рациональность

Изложенные аргументы могут подвергнуться критике за обобщения, игнорирующие разнообразие реалистической традиции и, возможно, применимые лишь к ее устаревшим версиям. Кроме того, в такие понятия, как «рациональность» и «историзм», могут вкладываться очень разные смыслы. Тем не менее, как показано ниже, для понимания особенностей реализма и его связей с постпозитивизмом важен тот факт, что для *всей* реалистической традиции характерно слишком узкое понимание рациональности. Чтобы показать это, всю данную традицию можно разбить на два типа, включающие концепции, которые исходят либо из *историзма*, либо из *структурализма* [см., напр., 30]. Такое деление отражает не только эволюцию от классического реализма к неореализму, но и, что более важно, охватывает практически все логически возможные разновидности реализма, в т.ч. наиболее современные.

Для более исторически-ориентированных разновидностей реализма характерно внимание к истории, которое, в принципе, могло бы восполнить узкое понимание рациональности в структуралистских его разновидностях. На фоне богатства классического реализма неореализм кажется некоторым критикам – например, конструктивисту Ричарду Неду Лебоу – «пародией на науку» [17, р. 26]. Как отмечалось, Моргентау можно отнести к числу тех, кто осуждал господство технической рациональности в обществе. По мнению Ричарда Эшли, превознесение технической рациональности в структурном неореализме как раз соответствует тому, что Моргентау называл «тоталитарным образом мышления» [3, р. 289].

В свою очередь, структурные разновидности реализма, прежде всего структурный неореализм, представляются многим критикам как «глубоко неисторические» [21, р. 393], «геометрические до уровня неисторичности» [7, р.

166; см. также 3]. В этом плане аргументы Гийо об историзме относятся, в большей степени, к классическому реализму и другим сходным реалистическим концепциям. Однако отказываясь акцентировать историческую изменчивость и относительность, сторонники структурных теорий стремятся повысить объективность своих теорий. Кроме того, структурный неореализм освободил реализм от сомнительных с научной точки зрения «утверждений о человеческой природе» и от «его консервативных философских истоков» [24, р. 297].

Тем не менее, несмотря на все отмеченные потенциальные преимущества двух типов реализма, ни один из них не опирается на полноценную концепцию рациональности. В частности, оба сводят рациональность к *инструментальной* ее разновидности. Неправомерность отождествления столь сложного и богатого понятия, как рациональность, лишь с инструментальной эффективностью хорошо доказана в современной философии и политической теории [см., напр., 22, р. 169, 214; 4; 26, р. 762]. Согласно инструментализму, категория рациональности может быть применена только к *средствам* для достижения любых заданных целей, но не к самим *целям*. Отказываясь от оценки целей с точки зрения рациональности, инструментализм не может дать рационального и критического объяснения истоков человеческих ценностей и их исторической изменчивости.

Конечно, Моргентау критически относился к инструментальной рациональности, как и, например, Макс Хоркхаймер. Однако Хоркхаймер все же надеялся на положительный потенциал разума, который не должен сводиться к его «субъективной», инструментальной стороне, но также должен иметь сторону «объективную» [14]. Он с сожалением писал – предчувствуя релятивизм постпозитивистов – о подрыве «идеи объективной истины» и о всеобщем уравнивании любых ценностей [14, р. 21]. Моргентау же, наоборот, в целом поддержал инструменталистское понимание рациональности, которое, вероятно, неизбежно к подобному релятивизму ведет. Он считал, что разум, обычно являясь «прислужником иррациональных импульсов», «может предложить столько ответов, сколько

существует противоречивых интересов и эмоций, устремленных к различным целям» [20, р. 135, 138]. Как представляется, именно отсутствие более содержательной концепции рациональности не позволяет исторически настроенным реалистам увидеть какой-либо смысл, направленность или качественные перемены в историческом процессе. Так, даже когда Моргентау демонстрировал повышенное внимание к исторической изменчивости и большой критический потенциал реализма, он не мог предложить лучшего «общего знаменателя», под который можно было бы подвести историю, чем «неизменная динамика политического конфликта» и, в конечном счете, «человеческая природа» [23, р. 55]. Не имея содержательных рациональных критериев осмысления исторического процесса, однако желая придать некоторый смысл – в том числе «научный» – тому, что могло бы иначе показаться бессмысленным потоком произвольных изменений и борьбы, Моргентау и не имел лучшего выхода, чем свести эти изменения к некоторой якобы «объективной» и «неизменной» основе. В этом контексте для реалистов нет ничего удивительного и в «парадоксе», который рассматривают, например, Роберт Гилпин и другие исторически-ориентированные реалисты, – утверждению о том, «что человеческая действительность находится в постоянном течении и изменении, однако Фукидид, родись он снова, без труда объяснил бы наши современные страдания» [30, р. 66]. Историзм реалистов может вести либо к абсолютному релятивизму, либо к своей противоположности – постулированию некоторых трансисторических «объективных» структур (например, циклов), под которые подводятся все индивидуальные события и которые не поддаются рациональной критике, либо к промежуточным утверждениям – например, логически противоречивому утверждению о том, что «случайность представляет собой единственную настоящую, неизменяемую норму в международной системе» [16, р. 952].

То, что справедливо относительно сторонников историзма в диахронном плане, справедливо относительно структуралистов в плане синхронном. Как отмечал еще Эшли [3], для структурных разновидностей реализма харак-

терна инструментальная, утилитарно понимаемая, техническая рациональность [см., напр., 31, р. 77; см. также 11, р. 2, 14, 19-20, 23]. Такой подход делает для науки невозможным прояснение целей, ценностей, критических и творческих способностей акторов [3, р. 284, 291-293, 297]. Инструментализм не позволяет оценивать рациональность взаимодействия акторов. Оно представляется как «инструментальное взаимодействие между бездумными, не рефлексирующими, технически-рациональными единицами», как «слепое стратегическое столкновение одного технического разума с другим техническим разумом на службе у целей, которые не ставятся под вопрос» [3, р. 293, 297]. Если структуралисты и могут объяснить историческую изменчивость, не подчиняя ее структурной логике, то тогда для них «изменение становится радикальным разрывом, прыжком от структуры к структуре», опять-таки не имеющим никакого рационального объяснения [30, р. 77].

Итак, анализ аргументов Гийо и понимания рациональности в реализме подтверждают, что для политического реализма характерен акцент на фундаментальном плюрализме и относительности политического знания, действительности и морали в синхронном или диахронном планах. Они не могут быть подчинены единым канонам рациональности, более содержательным, чем ее инструментальное понимание.

Черты реализма в постпозитивизме

Из предложенной интерпретации реалистической традиции достаточно очевидно, что отмеченные особенности – которые являются ключевыми – сближают реализм с постпозитивизмом. Вероятно, постпозитивизм не является полной противоположностью реализма, а, скорее, либо «переоткрывает» традиционные реалистические темы, либо дает им более крайние трактовки. Справедливо осуждая узкое понимание реалистами рациональности и науки, постпозитивисты предпочли не критически усовершенствовать содержание этих понятий, а еще больше ограничить их роль. Ошибочно разделив – вслед за Куном – науку и критику, многие постпозитивисты отказались от первой ради второй.

Если наиболее глубокими и теоретически интересными чертами реализма являются «скептицизм (рациональная постановка под вопрос границ разума); *реляционность* (признание того, что субъективности подвижны и конституируют друг друга); и *силовая политика* (акцент на вездесущести силы, включая как ее продуктивное, так и опасное измерения)», интерес к «неразрешимым конфликтам значений, ценностей и интересов» [5, р. 4-5, выделение в оригинале], то его схожесть с постпозитивизмом становится весьма близкой.

Джон Васкез считал «вкладом», который постмодернизм (в его терминологии – более радикальное течение, чем постпозитивизм) может внести в ТМО, разоблачение «произвольной природы современности»; «выбора, притворяющегося истиной»; социального конструирования реальности; участия науки в таком конструировании; и идентичности как «формы власти» [29, р. 214-220]. Однако все эти мотивы можно обнаружить и в работах, по крайней мере, классических реалистов. Не стоит, например, забывать, что на связи идеологии рационализма и преступлений тоталитаризма настаивают, опираясь на Зигмунта Баумана, не только современные постпозитивисты [10, р. 211] – на несколько десятилетий раньше об этой связи говорили, как отмечалось, Моргентау и Баттерфилд.

К реалистической традиции следует отнести не только ее общепризнанных представителей. «Образцом реализма» можно считать и элементы философии Маркса, Ницше и Фрейда [5, р. 24, п. 75; см. также 28, р. 81, п. 34] – тех, кто оказал неоспоримое влияние на постпозитивизм [см. также 22, р. 157; 6, р. 10]. На классический реализм можно смотреть «как на ранний вариант деконструктивного настроения, и при этом такой вариант, который позволял глубже понять дилеммы... ницшеанской онтологии, чем большинство современных “постмодернистских” или постструктуралистских мыслителей» [27, р. 181].

Реализму с его явным или скрытым релятивизмом вовсе не обязательно противоречит и акцент на «культурной или исторической специфике» правил, который столь многие конструктивисты и постпозитивисты почерпнули у

зрелого Людвиг Витгенштейна и который они противопоставляют реализму [9, р. 90].

Реализм также переключается с видением М. Фуко (опиравшегося, конечно, на Ницше) не только истории [см. также 22, р. 167], но и неразрывных связей между знанием и властью [6, р. 12]. Акцент Фуко на конституирующей роли дискурсов в обществе [6, р. 12] или, например, внимание Ричарда Рорти к риторике как движущей силе политики [27, р. 187-188] можно сопоставить с интересом реалистов к риторике как неотъемлемому средству политики [см., напр., 16] – интересу, который может восходить еще к софистам и который, конечно, связан с релятивизмом [см. также 30, р. 71].

Заключение

Итак, в статье было показано, что реализм в ТМО сближает с постпозитивизмом признание плюрализма и относительности политического познания, действительности и ценностей. Конечно, между реализмом и постпозитивизмом существуют различия в самоопределении, терминологии, методах и статусе их приверженцев в академической среде. Однако фундаментальным логическим сходством между ними, в конечном итоге, оказывается ограничение концепции рациональ-

ности либо полное отрицание этого концепта. Это не позволяет как реализму, так и постпозитивизму ни изучать рациональную составляющую социального обучения в историческом творчестве человечества, ни адекватно оценивать рациональность международных акторов.

Готфрид Лейбниц полагал: «Концом политической науки в отношении... форм государств... должно быть процветание царства разума. ... Произвольная сила есть то, что прямо противостоит царству разума» [цит. по: 2, р. 196-197]. Конечно, современное понимание рациональности ни в коем случае не будет отрицать многообразия культурно-исторических форм [см., напр., 4, р. 189-191]. Рациональность больше не подразумевает ни платоновской статичности совершенных идей, ни гегелевского победного шествия разума в истории. В разрушение подобных стереотипов рационализма внесли свой вклад и реализм, и постпозитивизм. Однако рациональность все же противостоит релятивизму, предполагает содержательную оценку целей и имеет критическую сторону одновременно. Такое понимание рациональности в международных отношениях ни реализм, ни постпозитивизм не приняли. Между тем, это понимание остается важнейшим элементом научного познания и преобразования мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г.-М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Alker H. R. *Rediscoveries and Reformulations: Humanistic Methodologies for International Studies.* Cambridge: Cambridge University Press, 1996. xviii, 467 p.
3. Ashley R. K. *The Poverty of Neorealism // Neorealism and Its Critics / Ed. by R. O. Keohane.*-New York: Columbia University Press, 1986.-P. 255-300.
4. Audi R. *The Architecture of Reason: The Structure and Substance of Rationality.* Pbk. ed.-New York: Oxford University Press, 2002. xvi, 286 p.
5. Bell D. *Introduction: Under an Empty Sky-Realism and Political Theory // Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell.*-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 1-25.
6. Bleiker R., Chou M. *Nietzsche's style: on language, knowledge and power in international relations // International Relations Theory and Philosophy: interpretive dialogues / Ed. by C. Moore and C. Farrands.* Abingdon: Routledge, 2010. E-book. P. 8-19.
7. Dienstag J. F. *Pessimistic Realism and Realistic Pessimism // Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell.*-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 159-176.
8. Emmerich Z. *Political Theory and the Realistic Spirit // Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell.*-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 195-218.
9. Fierke K. M. *Wittgenstein and international relations theory // International Relations Theory and Philosophy: interpretive dialogues / Ed. by C. Moore and C. Farrands.* Abingdon: Routledge, 2010. E-book. P. 83-94.
10. George J. *Realist 'Ethics', International Relations, and Post-modernism: Thinking Beyond the Egoism-Anarchy Thematic // Millennium .-1995.-Vol. 24.-№ 2.-P. 195-223.*

11. Glaser C. L. *Rational Theory of International Politics: the logic of competition and cooperation*. Princeton: Princeton University Press, 2010. xiv, 314 p.
12. Guilhot N. Portrait of the realist as a historian: On anti-whiggism in the history of international relations // *European Journal of International Relations*.-2015.-Vol. 21.-№ 1.-P. 3-26.
13. Guilhot N. The Kuhning of reason: Realism, rationalism, and political decision in IR theory after Thomas Kuhn // *Review of International Studies*.-2016.-Vol. 42.-Iss. 1.-P. 3-24.
14. Horkheimer M. *Eclipse of Reason*.-London and New York: Continuum, 2004. First published 1947 by Oxford University Press. vi, 129 p.
15. Jackson P. T. *The Conduct of Inquiry in International Relations. Philosophy of science and its implications for the study of world politics*.-Abingdon: Routledge, 2010. E-book. xiv, 268 p.
16. Jones D. M., Smith M. L. R. Return to reason: reviving political realism in western foreign policy // *International Affairs*.-2015.-Vol. 91.-№ 5.-P. 933-952.
17. Lebow R. N. *The Ancient Greeks and Modern Realism: Ethics, Persuasion, and Power // Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell*.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 26-40.
18. Molloy S. Hans J. Morgenthau Versus E. H. Carr: Conflicting Conceptions of Ethics in Realism // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell*.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 83-104.
19. Morgenthau H. J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 7th ed. / Revised by K. W. Thompson and W. D. Clinton.-Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2006. First published 1948. 703 p.
20. Morgenthau H. J. *Scientific Man vs. Power Politics*.-London: Latimer House Limited, 1947. First published 1946 by University of Chicago Press. vi, 207 p.
21. Palan R. P., Blair B. M. On the idealist origins of the realist theory of international relations // *Review of International Studies*.-1993.-Vol. 19.-№ 4.-P. 385-399.
22. Putnam H. *Reason, Truth and History*. Reprinted.-Cambridge: Cambridge University Press, 1998. First published 1981. xii, 222 p.
23. Scheuerman W. E. A Theoretical Missed Opportunity? Hans J. Morgenthau as Critical Realist // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell*.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 41-62.
24. Shimko K. L. Realism, Neorealism, and American Liberalism // *The Review of Politics*.-1992.-Vol. 54.-№ 2.-P. 281-301.
25. Spegele R. Towards a More Reflective Political Realism // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell*.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 122-142.
26. Steinberger P. J. Rationalism in Politics // *American Political Science Review*.-2015.-Vol. 109.-№ 4.-P. 750-763.
27. Tjalve V. S. Realism and the Politics of (Dis)Enchantment // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell*.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 177-194.
28. Turner S. P. Hans J. Morgenthau and the Legacy of Max Weber // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell*.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 63-82.
29. Vasquez J. A. *The Power of Power Politics. From Classical Realism to Neotraditionalism*.-Cambridge: Cambridge University Press, 2004. First published in printed format 1999. xvi, 452 p.
30. Walker R. B. J. Realism, Change, and International Political Theory // *International Studies Quarterly*.-1987.-Vol. 31.-№ 1.-P. 65-86.
31. Waltz K. N. *Theory of International Politics*.-Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii. S vvodnoi stat'ei i dopolneniyami 1969 g.*-M.: Progress, 1977. 300 s.
2. Alker H. R. *Rediscoveries and Reformulations: Humanistic Methodologies for International Studies*.-Cambridge: Cambridge University Press, 1996. xviii, 467 p.
3. Ashley R. K. *The Poverty of Neorealism // Neorealism and Its Critics / Ed. by R. O. Keohane*.-New York: Columbia University Press, 1986.-P. 255-300.
4. Audi R. *The Architecture of Reason: The Structure and Substance of Rationality*. Pbk. ed.-New York: Oxford University Press, 2002. xvi, 286 p.
5. Bell D. Introduction: Under an Empty Sky-Realism and Political Theory // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme / Ed. by D. Bell*.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 1-25.

6. Bleiker R., Chou M. Nietzsche's style: on language, knowledge and power in international relations // *International Relations Theory and Philosophy: interpretive dialogues* / Ed. by C. Moore and C. Farrands. Abingdon: Routledge, 2010. E-book. P. 8-19.
7. Dienstag J. F. Pessimistic Realism and Realistic Pessimism // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme* / Ed. by D. Bell.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 159-176.
8. Emmerich Z. Political Theory and the Realistic Spirit // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme* / Ed. by D. Bell.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 195-218.
9. Fierke K. M. Wittgenstein and international relations theory // *International Relations Theory and Philosophy: interpretive dialogues* / Ed. by C. Moore and C. Farrands. Abingdon: Routledge, 2010. E-book. P. 83-94.
10. George J. Realist 'Ethics', International Relations, and Post-modernism: Thinking Beyond the Egoism-Anarchy Thematic // *Millennium* .-1995.-Vol. 24.-№ 2.-P. 195-223.
11. Glaser C. L. Rational Theory of International Politics: the logic of competition and cooperation. Princeton: Princeton University Press, 2010. xiv, 314 p.
12. Guilhot N. Portrait of the realist as a historian: On anti-whiggism in the history of international relations // *European Journal of International Relations*.-2015.-Vol. 21.-№ 1.-P. 3-26.
13. Guilhot N. The Kuhning of reason: Realism, rationalism, and political decision in IR theory after Thomas Kuhn // *Review of International Studies*.-2016.-Vol. 42.-Iss. 1.-P. 3-24.
14. Horkheimer M. Eclipse of Reason.-London and New York: Continuum, 2004. First published 1947 by Oxford University Press. vi, 129 p.
15. Jackson P. T. The Conduct of Inquiry in International Relations. Philosophy of science and its implications for the study of world politics.-Abingdon: Routledge, 2010. E-book. xiv, 268 p.
16. Jones D. M., Smith M. L. R. Return to reason: reviving political realism in western foreign policy // *International Affairs*.-2015.-Vol. 91.-№ 5.-P. 933-952.
17. Lebow R. N. The Ancient Greeks and Modern Realism: Ethics, Persuasion, and Power // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme* / Ed. by D. Bell.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 26-40.
18. Molloy S. Hans J. Morgenthau Versus E. H. Carr: Conflicting Conceptions of Ethics in Realism // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme* / Ed. by D. Bell.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 83-104.
19. Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 7th ed. / Revised by K. W. Thompson and W. D. Clinton.-Boston: McGraw-Hill Higher Education, 2006. First published 1948. 703 p.
20. Morgenthau H. J. Scientific Man vs. Power Politics.-London: Latimer House Limited, 1947. First published 1946 by University of Chicago Press. vi, 207 p.
21. Palan R. P., Blair B. M. On the idealist origins of the realist theory of international relations // *Review of International Studies*.-1993.-Vol. 19.-№ 4.-P. 385-399.
22. Putnam H. Reason, Truth and History. Reprinted.-Cambridge: Cambridge University Press, 1998. First published 1981. xii, 222 p.
23. Scheuerman W. E. A Theoretical Missed Opportunity? Hans J. Morgenthau as Critical Realist // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme* / Ed. by D. Bell.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 41-62.
24. Shimko K. L. Realism, Neorealism, and American Liberalism // *The Review of Politics*.-1992.-Vol. 54.-№ 2.-P. 281-301.
25. Spegele R. Towards a More Reflective Political Realism // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme* / Ed. by D. Bell.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 122-142.
26. Steinberger P. J. Rationalism in Politics // *American Political Science Review*.-2015.-Vol. 109.-№ 4.-P. 750-763.
27. Tjalve V. S. Realism and the Politics of (Dis)Enchantment // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme* / Ed. by D. Bell.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 177-194.
28. Turner S. P. Hans J. Morgenthau and the Legacy of Max Weber // *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme* / Ed. by D. Bell.-Oxford: Oxford University Press, 2008.-P. 63-82.
29. Vasquez J. A. The Power of Power Politics. From Classical Realism to Neotraditionalism.-Cambridge: Cambridge University Press, 2004. First published in printed format 1999. xvi, 452 p.
30. Walker R. B. J. Realism, Change, and International Political Theory // *International Studies Quarterly*.-1987.-Vol. 31.-№ 1.-P. 65-86.
31. Waltz K. N. Theory of International Politics.-Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.